

Две буквы

Лида сидела на старом скрипучем стуле у небольшого чердачного оконца и покачивалась. Она любила покачиваться и слушать, как скрипит стул: «Пи-и... Пи-и...» Словно птица щебечет.

Увидела бы бабушка, непременно сказала бы сердито: «Не елозь. Не качель».

Но бабушка на огороде который раз перекапывает картофельник. Там уж и самой малой картошины – с горошину – и то не осталось. А бабушка все копает. Верно, забыться хочет в работе.

«Пи-и... пи-и...» – поскрипывал старый стул, а Лида прислушивалась к скрипу и вспоминала...

Ещё до войны приехала она к бабушке сюда, в Подмоскowie, на каникулы.

Несколько месяцев всего и прошло с того дня, а кажется, было это давным-давно!

Бабушка встретила её на Ленинградском вокзале в Москве. И пока перебирались на автостанцию, Лида восторженно смотрела на московские улицы, залитые жарким летним солнцем, шумные, весёлые.

Потом ехали в автобусе до Рузы.

Потом на лошади до Иванова. Лида закрывала глаза, подрёмывала, и виделась ей сквозь сон весёлая, яркая столица.

А потом началась война. Бабушка не пустила Лиду в Ленинград, домой, к маме.

– Не бывать Гитлеру здесь. Погонят, – говорила она убежденно.

Лида даже начала было учиться в местной школе. Но фашисты всё-таки пришли.

Днём и ночью грохотали где-то возле Рузы пушки. Выли самолёты. Ревели моторы машин.

Фашисты рвались к Москве.

– Все равно не пустят, – твердила бабушка. – Не бывать Гитлеру в нашей Москве.

По ночам Лида слышала, как бабушка ворочается, и вздыхает, и всхлипывает от горя.

«Пи-и... пи-и...» – поскрипывал старый стул, а Лида думала и смотрела в оконце.

И пусто-пусто, даже курицы не увидишь. Вдруг Лида заметила какое-то движение вдали, края деревни. Словно бы кто-то дорогу перебежал, то-то серый.

За оконцем пустая, словно слепленная из грязи улица. И избы словно сложены из обгорелых спичек, мокрые, тоскливые. Это потому, что идут дожди, и ещё потому, что война. И даже деревенская улица и старые избы тоскуют в неволе.

«Пи-и...» – скрипнул стул и замолк. Лида потёрла ладошкой пыльное стекло. Показалось?

Нет... Вот ещё одна серая фигура, за ней ещё и ещё... Немцы... Обычно они входили или въезжали в деревню не прячась. Ловили свиней, кур, уток. Тащили подушки, платки – всё, что под руку попадает.

Отчего ж сейчас они перебегают улицу крадучись и скрываются в поросшем ольхой овраге? Верно, затеяли что-то. Что? От кого они прячутся? Почему прячутся?

Лида прижалась носом к холодному стеклу.

Два советских танка, сердито рыча и переваливаясь через кочки, двигались лесом.

Передний танк вёл старшина Иван Мороз, опытный, бывалый танкист. Лицо у него было тёмное, обветренное. Над карими глазами нависли рыжеватые клочкастые брови. На гимнастёрке горели два боевых ордена.

Другой танк вёл сержант Алёша Сенцов, молодой, голубоглазый, с ямочкой на подбородке, застенчивый парень. Алёша мечтал о подвиге, был влюблён в старшину Мороза, старался во всём подражать ему. Даже говорил с хрипотцой, как старшина.

Лес был рыжим. Прямо на раскисших дорогах росли грибы. Их никто не собирал. Они падали на землю огромными мокрыми блинами.

Алёша вёл свой танк, как было приказано: по следу впереди идущего. И напряжённо следил, как из-под его гусениц выползает нарезанная на кирпичики тёмно-коричневая земля. Будто танк раскладывал на дороге крупные «буханки хлеба».

Алёша родился в Москве, мальчишкой жил на даче недалеко отсюда, возле самой Рузы. И вот сейчас он вёл машину по родному Подмосковию, узнавая и не узнавая его.

Танки шли в разведку. Дикой и нелепой казалась сама мысль о том, что рядом, в Рузе, фашисты. Их танки, их пушки, резкая картавая речь, звонкие каски, короткоствольные автоматы. Нелепо и обидно.

Танки вышли из леса. Старшина прибавил скорость. И Алёша прибавил. Впереди показалась деревня.

«Это и есть, верно, Иваново», – подумал Алёша.

Они влетели в село, разбрызгивая в стороны мутные лужи. Водители внимательно вглядывались в смотровые щели. Пулемётчики были наготове.

В центре села, на вязком перекрёстке, старшина Мороз остановил свой танк, но мотора глушить не стал.

Рядом с танком старшины Алёша поставил свой. Откинулись крышки люков. Старшина высунулся.

– Вроде тихо.

Из ближайшей избы выглянула старуха. Ошеломлённо уставилась на алые звёзды на броне и алые звёздочки на шлемах.

– Что, бабушка, глядишь? Не узнаешь? – ласково спросил старшина.

Старуха всплеснула руками.

– Родименькие! Да отколе ж вы взялись? Неужто конец супостату? Конец проклятому? – Она заплакала, засморкалась в старенький выцветший передник.

– Ещё не конец, бабушка. Но скоро будет. Немцев в селе много?

– Нету... Набегают, изверги. Поберут чего под руку попадёт. Всё в лесу прячем. Да разве всю жизнь в лесу упрячешь? На вас надежда, солдатики!

– Не сомневайтесь, – строго сказал старшина.

В чердачное окошко Лиде видны были подошедшие танки. Сначала она подумала, что они фашистские. Потом заметила алые звёзды на броне и глазам своим не поверила.

«Наши! Откуда ж они взялись тут? Ведь фронт где-то под самой Москвой. Прорвались? Наступление? Неужели гонят фашистов, а она сидит тут на чердаке и ничего не знает? И почему танков всего два?..»

А немцы?.. Лида обмерла, даже дыхание перехватило. Вот зачем немцы спрятались в овраге. Узнали, наверно, про наши танки. Вот и спрятались. Чтобы напасть внезапно.

Засада!

Танкисты попадутся и погибнут. Ведь они не знают, что устроена засада. Надо их предупредить! Во что бы то ни стало! Немцы увидят?.. Пусть... Надо предупредить!..

Лида скатилась по узкой лесенке вниз, больно ушибла колено. В сенях торопливо сунула ноги в резиновые сапожки, проворно надела пальтишко и, уже на ходу накидывая на голову пёстрый платок, выбежала на улицу.

Зачавкала под ногами грязь, разлетелись в стороны мутные брызги. Скорее! Скорее!..

Лида побежала, задыхаясь, к танкам.

— Товарищи... танкисты! Уходите! Вас окружают! Там — фашисты! — Лида показала рукой за избы, где был крутой овраг, повторила торопливо: — Уходите быстрее!

— Спасибо, сестрёнка! — старшина сдвинул клочкастые брови. — Сейчас мы их стеганём!

Он захлопнул люк. Взревел мотор. Танк пробежал по улице, потом развернулся, вспахав гусеницами землю, и ринулся вниз, в овраг. Алёша быстро и точно повторил маневр старшины.

Фашисты не ожидали нападения. Они ползли навстречу танкам. Увидев вдруг перед собой тяжёлые лязгающие гусеницы, повскакали и бросились врассыпную. Но было уже поздно. С танков ударили пулемёты...

Когда танки, прочесав ольшаник, выбрались из оврага на деревенскую улицу, Алёша краем глаза заметил на перекрёстке ту самую девчужку. Она стояла прямо на дороге, простоволосая и махала ему пёстрым головным платком. Отчаянная девчонка!

Но не один Алёша видел девочку. Заметили её и фашисты. Обер-лейтенант приказал поймать её.

Когда Лиду привели, обер-лейтенант достал из металлического портсигара тоненькую сигарету, хрустнул зажигалкой, закурил.

Лида заметила, как трясутся у него руки.

— Так это ты предупредила русский танки об наш передвижений?

Девочка молчала.

Обер-лейтенант жадно затянулся несколько раз. Он был рад, что остался жив. Это был такой кошмар, когда танки повернули и ринулись прямо на них! И всё из-за этой девчонки!

— Тебя как называют?

Странные люди эти русские. Такая маленькая и молчит.

— Я спрашивайт: тебя как называют?

Девочка отвернулась и посмотрела куда-то в угол.

— Я буду тебя повешать, — улыбнулся обер-лейтенант и пустил струйку едкого дыма прямо Лиде в лицо.

Девочка поморщилась.

Обер-лейтенант посмотрел в окно. На улице стояла телега, и несколько солдат складывали на неё убитых.

— Я достопр правильно знаю, ты русских предупредила. И я буду тебя повешать! Тебе не есть страшно?

Девочка шмыгнула носом и вдруг засмеялась тихонько.

От этого смеха обер-лейтенанту стало не по себе.

— Повесить! — крикнул он по-немецки солдатам, которые привели девочку и стояли возле дверей. — И побыстрее!

Солдаты схватили Лиду за руки, вытолкали из избы на улицу и зашагали по дороге: девочка посередине, солдаты по бокам. У одного из них была верёвка.

Лида шла по нарезанной кирпичиками дороге. Скоро вся земля покроется такими кирпичиками. Они придут, наши танки! Они пойдут на запад и будут идти до тех пор, пока не прогонят с родной земли всех фашистов!

Придорожные берёзы бросали ей под ноги листву. Листва была жёлтой-жёлтой, и на каждом листке были видны тоненькие жилки. Она старалась не ступать на листья, чтобы не помять их и не запачкать.

Возле своей избы стоял Женька, её одноклассник. Они сидели на одной парте. Лицо у Женьки встревоженное.

– Куда тебя?

– Вешать, – сказала Лида и помахала ему рукой.

Женька не поверил.

Солдаты подвели девочку к липе и задрали головы, выбирая сук поудобнее. И она поднял голову и будто впервые увидела эту липу. Липа была старой, толстой, раскидистой, а листва на ней – почти совсем зелёная. Липа продолжала жить.

Солдат перекинул верёвку через сук. Другой стал завязывать на её конце узел, делать петлю.

Лида следила за движениями грубых, перепачканных землёй пальцев. Старалась не думать о том, что они вяжут петлю для неё. Стало страшно. Стало очень страшно, потому что чужие солдатские лица были спокойны. И пальцы двигались спокойно. Словно вязали не петлю для человека, а обыкновенный узел.

Лида отвела от них взгляд. Посмотрела на деревенскую улицу, на тёмную землю, покрытую пятнышками опавших листьев. В Ленинграде, в парке Ленина на Петроградской стороне, столько бывает в это время листьев, что и земли не видно. Они шуршат, шуршат, словно шепчут тебе о чём-то...

Тот солдат, что вязал петлю, молча подтолкнул девочку к дереву. Набросил петлю на её шею, будто бы примерял. Потом затянул. Лида закашлялась, руками раздёрнула петлю.

Солдат засмеялся.

Два раза обрывалась верёвка, когда её тянули солдаты.

Лида понимала, что умрёт. Но умереть надо было достойно. Чтобы фашисты никогда не узнали, что ей было страшно. С презрением посмотрела она на солдат. Сказала сквозь зубы:

– Сейчас я вам покажу, как надо.

Встала на огромный валун, что лежал под липой, и, когда натянулась верёвка, прыгнула с него...

Наступила зима.

Фашистов добивали под Москвой. Снег укрывал пепелища, засыпал разбитые фашистские пушки, минометы, мёртвых солдат возле них...

На дорогах снег был нарезан кирпичиками. Здесь прошли краснозвёздные танки. И среди них был танк Алёши Сенцова. Он ворвался в деревню Иваново и остановился на том же перекрёстке, что и тогда, осенью. Алёша открыл люк и выскочил из машины.

Из избы вышла та же старуха, только она казалась гораздо старше.

– Здравствуйте, бабушка! Вот и мы пришли! Насовсем!

Старуха закивала, задёрнула головой. По щекам её текли крупные слёзы.

– Бабуся, девочка тут была в пёстром платке. Она нас осенью спасла. Помните? Когда немцы нас окружили. Мне бы повидать её!..

Старуха всё трясла и трясла головой.

– Повесили её в одночасье. Вон на той липе повесили, ироды.

– Девочку? – голос Алеши дрогнул.

– Повесили, милую... – Старуха вдруг села в снег и заголосила, раскачиваясь из стороны в сторону.

Алёша поднял её, спросил осторожно:

– Родня ваша?

– Всё мы, сынок, родня нонче, когда беда такая... Бейте их, жгите дотла, дотла!..

– Прощайте, бабуся. – Алёша забрался в танк.

И танк, будто поняв хозяина, рванулся вперёд. Но Алёша сдержал его. Круто развернул, подняв снежную пыль. Выглянул из люка.

– А как звали её, бабушка?

– Лидой. Матвеева Лида. Из Ленинграда она. Лида Матвеева.

Танк ушёл, а старуха долго смотрела вслед, и по щекам её всё текли и текли крупные слёзы.

Нелёгкий путь прошёл Алёша, старшина Алексей Сенцов. Тонул. Горел.

В госпиталях лежал дважды.

И снова – переправы, бои, сёла, города.

И каждый раз, когда приходилось трудно, Алёша вспоминал девочку из деревни Иваново, ленинградскую пионерку Лиду Матвееву. Как живая, вставала она в памяти: в резиновых сапожках, заляпанных грязью, в пёстром платке, из-под платка выбивалась светлая-светлая, будто соломенная, прядь.

Лида Матвеева всегда была рядом. Помогала выползти из горящего танка, выплыть на берег, выжить, победить.

И в память о ней в освобождённых городах на обгорелых стенах домов старшина Алёша Сенцов писал мелом две буквы: «Л. М.» – Лида Матвеева.

Публикуется по: Туричин И. Две буквы // Орлята / сост Б. Раевский. – Л. : Лениздат, 1981. – 277 с.